

ФИАЛКИ В ЗАДЫМЛЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Горит солома — валит дым,
Сгорает сердце — кто увидит?*

Поговорка

Ирина Николаевна Струнова преподавала сценическую речь в местном институте искусств. Пепельные волосы, зеленые глаза, со вкусом подобранные украшения. Про таких, как она, говорят: дама без возраста. В институте одни считали ее молодой, рано поседевшей, другие — прекрасно сохранившейся женщиной. «Как мумия», — иронично приподняв бровь, бросала Ирина Николаевна, когда до нее долетали отголоски сплетен. Впрочем, к сплетням она тоже относилась скептически, как же в институте без сплетен?

Струнова жила в однокомнатной квартире, главную ценность которой, несмотря на изысканность интерьера, составляли книги. Они теснились на полках, лежали на столе, поблескивая потускневшей позолотой на корешках, и могли рассказать о вкусах, а также пристрастиях хозяйки больше, чем все слухи и домыслы.

Сегодня у Струновой с утра были индивидуальные занятия с первокурсниками. Молодые дарования обоего пола возникали в пыльной аудитории в различных ипостасях и старались потрясти, приковать к себе внимание или, на худой конец, удивить.

Она слушала, останавливала, указывала, отправляла, оставаясь сдержанной и чуть снисходительной к их молодости и самонадеянности. Наконец дверь за очередным гением закрылась и Струнова с облегчением перевела дыхание. Давно хотелось курить.

Она порылась в сумке, отыскивая зажигалку, но тут в дверь неуверенно постучались, и в аудиторию заглянула Даша Зотова. Длинноногая, в коротенькой юбочке, с книгой, прижатой к груди, она была, пожалуй, самой неудачной из первокурсниц: неловкая, зажатая, ни одного задания толком не выполнила. Однако Струнова по своему опыту знала, что иногда из таких выходит что-нибудь путное. Оглядев девушку, Ирина Николаевна бодрым голосом спросила:

— Ну, что у тебя?

Пройдя на подгибающихся ногах к столу, Даша открыла книгу, отыскала нужную страницу и, ткнув в нее наманикюренным ногтем, пробормотала:

— Вот. От сих и до сих. — И криво положила книгу перед Ириной Николаевной.

«Господи! — мысленно воззвала Струнова, взглянув на обложку. — И это студентка актерского факультета, будущая актриса!»

— Читай.

Накручивая пряди волос на тонкие пальцы с тонкими ободочками колец, то и дело запинаясь и останавливаясь, Даша начала читать отрывок из книги Паустовского «Повесть о жизни».

Струнова отошла к окну. Летел редкий снег, и пейзаж за окном напоминал поселение, на фоне которого Ирина Николаевна со своей пепельной стрижкой и шалью, спадающей с плеча, казалась экзотической птицей, по недоразумению залетевшей из райских куц в эту Богом забытую дикую местность.

«Черт возьми, — привычно ругнулась она про себя. — Вечный пустырь и вечный ветер. Есть ли что другое на свете?»

Внезапно в аудитории что-то неуловимым образом изменилось. За окном так же летел снег, по-прежнему несвязно бормотала текст нерадивая студентка. Так же хотелось курить, и Струнова то и дело подносила к губам незажженную сигарету, но то ли подтекст, то ли интонация, пробившаяся сквозь монотонность голоса прозрачным ручейком, заставили Струнову удивленно оглянуться. Даша сидела, низко склонившись над книгой, но, когда замолчала, показалось, что голос ее продолжает звучать, словно зов «из прекрасного далека». В нем были и отголоски этого белого дня с его быстротечностью, и грусть расставания, и призрачная надежда на новую встречу, и моление о счастье.

Ирина Николаевна медленно подошла и села рядом с Дашей на соседний стул. Они обе молчали. Наконец Струнова отвела волосы с порозовевшего лица девушки и сказала:

— Ну, молодец, хорошо прочитала. И отрывок хороший выбрала, — она улыбнулась и потеплевшим голосом добавила: — Трудно тебе приходится, Даша?

Дашины плечи под тонкой водолазкой чуть дрогнули.

— Да нет, учиться нетрудно, а так, вообще... — невразумительно пробормотала она упавшим голосом и опять замолчала.

— Ничего, все образуется. Я помогу.

Глаза девушки блеснули: «Ой, правда? Спасибо, Ирина Николаевна», — и тут же погасли. Даша уткнулась в книгу и стала внимательно выискивать что-то на странице.

Точно лампочку пригасили, подумала Струнова, усмехаясь про себя: «Как все знакомо!»

Тонко очерченным карандашом она сделала пометки на полях книги и отпустила Дашу. Больше никто не рвался в аудиторию, и можно было спокойно пойти покурить, но она почему-то забыла о своем желании.

Занятия в институте давно закончились, но Струнова не спешила уходить. Она посидела на кафедре, выкурила сигарету, выслушала коллегу, которая в очередной раз поведала сагу о перипетиях своей постылой семейной жизни.

Еще раз перечитала письмо от подруги из Питера. Да, в Питере когда-то была семья, муж, развод с которым, а главное, раздел имущества, оставил чувство непреходящей тоски. От него хотелось бежать как можно дальше, хоть к черту на рога, хоть на край земли.

«Вот он, край земли, дальше вроде и некуда, — думала Струнова. — Теперь все прошло, забылось, и зовут вернуться, предлагают работу, но теперь уж я сама не рвусь обратно. И неизвестно, что меня здесь держит».

Впрочем, Ирина Николаевна лукавила, она прекрасно понимала, что и, главное, кто держит ее в этом городе. «Все продано, все предано, — разглядывая в крошеч-

ном зеркальце пудреницы свои глаза, пробормотала она — Из какой это пьесы? А, не важно. Только и осталось, что учить молодежь повторять чужой текст».

Подходя к дому, Струнова сквозь сумерки разглядела в воротах знакомую сутулую фигуру Стаса Калитина. На ветру метался огонек его сигареты.

— Стас, у тебя же сегодня спектакль. Я думала, ты в театре. Что случилось?

— Отменили спектакль, — хрипло отозвался Калитин, — в связи с большим наплывом публики. Я к тебе. Пустишь?

Калитин был на двенадцать лет моложе Струновой. Их отношения начались, когда он еще учился в институте, и продолжались до сих пор. За это время Калитин окончил институт, играл в театре, женился («Жена Наташка», — представлял ее друзьям), развелся.

Потом уехал, снимался где-то, снова женился («Танька, жена», — писал в письме), и опять неудачно. Теперь вернулся с очередной женой, которую никому не представлял.

Для простоты обозначения Струнова называла ее «Танька-Наташка». Калитин не спорил. Похоже, брак его опять не удался, впрочем, Струнова не вникала.

Стас поник, потускнел, начал выпивать. Струнова понимала, что периферийный театр для талантливого репертуарного артиста — не предел мечтаний. Но как помочь ему? Чем? Ведь все дано человеку: профессия, внешность, талант. Право, так и кажется иногда, что мы сами кузнецы своих несчастий.

Они пили чай с мятой и медом из глиняных чашек шоколадного цвета. В квартире было уютно, мягко светила низко висящая над столом лампа.

— Жизнь, в общем, проиграна и летит в тартарары, — произнес Калитин, картинно откидываясь на диванную подушку, и Ирина Николаевна подумала, что и у него эта фраза из какой-то пьесы. — Понимаешь, мне здесь больше нечего ловить.

— Я тебе давно говорила: уезжай. Отправляйся в столицу, пробуй, ищи, делай что-нибудь, ведь остались связи, друзья, талант, в конце концов! Если хочешь, я подниму свои питерские связи.

— Начинать все с нуля? Поздно.

— Но ведь так нельзя, надо как-то выбираться из пустого зала. И ничего не поздно!

Калитин посмотрел на точеный профиль сидящей рядом женщины и подумал, что она, вероятно, ждет от него каких-то иных слов. Но какие к черту слова, если сама судьба столкнула их однажды, и с тех пор не сойтись и не расстаться они не могут. Он взял ее руку, унизанную перстнями, поднес к губам.

— Знаешь, — сказала Струнова, — у меня на курсе сегодня девочка одна проклюнулась. Ходила, такая неловкая, зажата, что-то лепетала, и вдруг — раз! — и взяла за живое. Думаю предложить ей подготовить к зачету рассказ Куприна.

Стас встрепенулся.

— «Фиалки»... Я угадал? Тот самый, наш.

— Ты угадал.

Калитин уткнулся головой ей в колени, спрятал лицо в складках платья.

— Теперь будешь ее опекать? Ты и меня опекаешь. Все думаешь, как бы помочь, поддержать. Стою ли я того?

Струнова прикрыла вспыхнувшие глаза. Казалось, еще миг, и сорвутся с ее губ слова, в которых растворится холод недоговоренности, отчуждение, ирония. Все станет на свои места, и жизнь улыбнется им в этот холодный вечер, который приник к окну своими фиолетовыми глазами, раскачивая на ветру фонари. Но миг этот блеснул, как молния, и исчез. Струнова выпрямилась на диване.

— Нужен ты мне очень, — высокомерно произнесла она. — Тоже мне, нашел опекушку.

Когда Даша перешла на третий курс, Струнова сказала ей:

— Не знаю, какую карьеру можно сделать в нашем драмтеатре. По-моему, тебе надо работать с микрофоном. Для начала, что ты думаешь о радио?

Даша растерянно захлопала ресницами.

— На радио? Это что же, диктором?

— Ну почему диктором? Да и какие теперь дикторы, господа, сплошные «журналисты у микрофона». Все от тебя зависит. Есть масса вариантов. Подумай.

Но Даша, глядя на Ирину Николаевну, невольно думала о том шлейфе слухов, который тянулся за ней следом. Неужели правда, что у нее роман с этим актером из драмы, у него еще жена — посредственная актриса с толстыми ногами? Из-за этого Струнова якобы собирается уезжать. Нет, не может быть, не верю.

— Ирина Николаевна, а вы нас не бросите? Говорят...

— А, уже говорят, — рассмеялась Струнова. — Ну, город! Да нет, в ближайшее время я еще не уеду, не бойся. Доведу курс до конца. А ты все же подумай о моих словах.

Однако после семестра, на каникулах, как-то внезапно, ни с кем не попрощавшись, Струнова уехала. Говорили, вернулась к себе домой на берега Невы. Даша после окончания института попала в театр и надолго застряла там среди тех заплесневелых кулис, от которых предостерегала ее Струнова. Мелкие страсти, мышьяная возня, фальшивый пафос и отсутствие зрителей — все было скучно, привычно, но, как это ни парадоксально, устраивало. Притерпелось, притерпелось как-то.

Однажды после окончания гастролей театра по Уралу Даша поехала в отпуск в Питер и там, на набережной, неожиданно-негаданно встретила Струнову.

Кругом полыхал закат, зеленоватое после дождя небо отражалось в знакомых глазах, и они блестели молодо и ярко. И вообще вся она, в длинной юбке, обвивающейся вокруг ног, в шляпе, которую придерживала унизанной перстнями рукой, была под стать этому городу, где чувствовала себя свободно и легко. Подле нее, словно приبلудный пес в последней стадии потертости, мыкался Калитин.

Даша и Струнова расцеловались. Посыпались вопросы, восклицания: где тот, а что с этой, а как у тебя?

Узнав, что Даша до сих пор киснет в местном храме Мельпомены, Струнова взяла с нее слово изменить свою жизнь.

— Делом надо заниматься. Хватит мне и одного из вас...

Бросив взгляд в сторону Стаса, она оборвала себя и сердито продолжала:

— В общем, ты меня поняла и давай не кисни.

Но прошел не один год, прежде чем Даша решилась разорвать привычный круг и вырваться за пределы инерции.

Однажды к ним долетела весть о смерти Струновой в Петербурге. По всей вероятности, она умерла внезапно, от остановки сердца: сидела у себя дома в низком кресле — спокойная, красивая... В институте, где Ирина Николаевна работала, не сразу хватились ее отсутствия. Позвонили раз, другой — телефон молчал. Вспокоившись, бросились к ней домой, стучали, кричали — в ответ тишина. Когда взломали дверь, удивились обилию книг в этой красивой квартире. Они стояли на полках, лежали одна на другой на столе, на диване, у ног. Родственников и детей у Струновой не было, и никто не знал, кому и куда сообщить о ее смерти.

Несколько дней вокруг города горели леса, и белый едкий дым, заполонивший улицы, не давал дышать. Он проникал в квартиру даже сквозь закрытые окна.

Даша сидела, склонившись над клавиатурой старенького компьютера, и на-маникюренным пальцем тыкала в клавиши со стертыми буквами.

Недавно она запустилась на одной из местных радиостанций с циклом передач «Старинных дней очарованье» по произведениям русских классиков. Текстом для первой передачи она взяла рассказ Куприна «Фиалки», изысканный, красивый, немного надуманный рассказ о первой любви.

У Даши сохранилась книга с пометками Струновой, которые напоминали тонкую ажурную вязь на полях. Даша не решалась уничтожить пометки, ей казалось, что от этих строчек, порой совсем стершихся и неразборчивых, исходит слабый аромат какого-то засушенного цветка, особенно явственный среди дыма лесных пожаров.

СНЕГ ТОЙ ЗИМЫ

*И ржавой, тупой иголкой
Тончайший узор вышиваем.*

Перед Новым годом мы с другом поссорились, и он запропал: больше недели ни звонка, ни весточки. Неужели всерьез обиделся? Такой впечатлительный.

Вечером тридцать первого я сидела на ковре возле разряженной елки и, мысленно возмущаясь тем, что друг не спешит хотя бы ради праздника сделать первый шаг, довязывала свитер — мой новогодний подарок ему. Свитер выходил на славу, теплый, красивый, легкий. В отличие от мыслей, которые, одна мрачнее другой, теснились в голове.

В холодильнике охлаждались вино и салат «оливье», на подоконнике доходила селедка под шубой, мое фирменное блюдо, которое, если так дальше дело пойдет, похоже, некому будет оценить.

Мне оставалось закончить рукав, когда раздался телефонный звонок. Я вскочила так стремительно, что клубки шерсти раскатились и «побежали» за мной, точно пушистые собаки. «Наконец-то, — удовлетворенно подумала я. — Ну, я сейчас ему все скажу».

И царственным жестом неторопливо сняла трубку.

Однако незнакомый мужской голос, обволакивая бархатом и теплом, спросил какую-то Веру.

— Нет веры на земле, — с досадой ответствовала я, перефразировав классика. — Но веры нет и выше! В смысле вы не туда попали.

Повисла долгая пауза, выдержав которую, голос на том конце провода поинтересовался, не соглашусь ли я в таком случае помочь ему.

Это было, по меньшей мере, странно.

— В чем это? — не слишком любезно поинтересовалась я.

— Понимаете, — продолжая интриговать переливчатыми обертонами голоса, пояснил незнакомец: — Я приготовил плов. К Новому году. Это мое фирменное блюдо. А есть плов одному, согласитесь, кощунство.

— А что же Вера? — не без ехидства спросила я.

— Вера ушла, — был мрачный ответ. — Обиделась.

Надо же, мелькнуло в голове, ситуация один в один.

— Вернется, — пообещала я, — обязательно вернется.

Похоже, все, что не касалось собственной личной жизни, вызывало у меня оптимизм, я охотно раздавала обещания счастливых встреч.

— А вы не согласитесь со мной поужинать? — неуверенно продолжал мой собеседник. — Все-таки Новый год.

И, видимо, расценив мое изумленное молчание, как колебание, быстро добавил: — Ну, пожалуйста. Если даже Вера вернется, это не помешает нам насладиться пловом. Вы такого не едали, факт. Соглашайтесь. Ну, захватите подругу, если сомневаетесь.

Воспользовавшись затянувшейся паузой, во время которой я обалдело сообщила, что делать, мужчина деловито продиктовал адрес и, бросив: «Жду» и «Ну, пожалуйста», — повесил трубку.

— Эй, — тонким голосом проблеяла я в пустоту: — Постойте! Я же вас совершенно не знаю.

Ответом мне были частые гудки в трубке.

Растерянная, стояла я посреди комнаты, пытаюсь осмыслить разговор. Часы и минуты убежали прочь с громким тиканьем. Вот это да, размышляла я нелогично. Все мужчины таковы. С другой стороны, плов там... стынет. Вот тип! Вообще-то знаю я этот дом, там Анька живет из театра, совсем рядом, в случае чего можно и к ней смыться. Такого со мной еще не бывало... Но не сидеть же одной в Новый год.

В следующее мгновение я поймала себя на том, что стою перед распахнутой дверцей платяного шкафа и перебираю плечики с висящими на них вещами. Потом в воздух полетели платья, туфли, шляпы и шали, словно само время подгоняло меня, торопило, подталкивало.

Я была уже в полной боевой готовности, когда раздался звонок в дверь и на пороге с виноватым видом возник мой пропавший друг. Он выглядел слегка замерзшим и непривычно тихим. Стянув со стриженной головы шапку, он ткнулся холодным носом в мою щеку и протянул квадратную коробочку, внутри которой на золотистом шелке, подобно драгоценному камешку, сиял, переливался гранями крошечный флакончик иноземных духов.

Всхлипнув, теперь уже от счастья, я обняла обретенное сокровище и, деловито сунув ему в руки селедку и свитер об одном рукаве, накинула шубу.

— Ты что, уходишь? А как же Новый год? А мы? А я?

Вопросы сыпались из него один за другим.

— А мы, ты и я, идем в гости встречать Новый год, — твердо произнесла я. — И молчи и не перебивай! Сегодня я командую.

Я решила, что предложение незнакомца из телефона захватить «в случае чего» подругу, вполне может распространиться и на друга.

По дороге, пока я рассказывала ему суть дела, друг опасно косился на меня. Он походил на беглого каторжника, который уже не верит ни во что позитивное, и иногда крутил пальцем около виска.

— Сбрендил, право слово, — бормотал он. — Ты что, совсем? Это же безумие, даже неприлично как-то...

— Самое большое безумие в моей жизни — это ты, — парировала я. — И ничего, справляюсь, как видишь. А вообще чуточку безумия в такую ночь нам не помешает. Ну, пожалуйста, ну, что такого! Это какой номер дома? Кажется, сюда... Все люди, как люди, празднуют, песни поют, а мы как эти... Звони давай...

Дверь нам открыл высокий, представительного вида мужчина средних лет, приятный, с прекрасными манерами.

— Георгий, — любезно представился он.

Когда Георгий назвал свою фамилию, я вспомнила, что не раз слышала его голос в эфире местного радио, где он вел передачу под названием «Музыка, которую я люблю».

Мужчины солидно пожали друг другу руки. После чего Георгий, помогая мне снять пальто, шепнул:

— Вы были правы, спасибо. Вера вернулась.

Словно в подтверждение сказанного в дверях появилась роскошная блондинка, одетая во что-то прозрачно-сиреневое, многослойное, воздушное. Оглядев компанию, она спокойно заявила, что знакомиться лучше всего за столом. Так что наши селедка и шампанское органично вписались в убранство богатого стола, в центре которого красовалось блюдо с чудом узбекской кухни — пловом. Над столом витали упоительные запахи и в хрустале переливались, искрясь, разноцветные огоньки.

Пока мы рассаживались, часы начали отбивать полночные удары. Мы подняли бокалы, радуясь неожиданному знакомству и обретению друг друга в самую красивую ночь на свете.

На вкус плов оказался таким же великолепным, как и на вид, елка сверкала звездами и шарами, курились ароматные свечки, и было приятно думать, что во всех домах сейчас люди желают своим любимым счастья.

Мы с другом танцевали под джаз, музыку, которую любил хозяин дома и не отрывали глаз друг от друга. Нам казалось, что впереди еще много таких елок, встреч, зим и лет — вся жизнь!

С тех пор прошел не один год.

Растаял тот снег, выпал другой, третий, следующий. Но когда я слышу по радио голос Георгия, неизменно вспоминаю нежданный телефонный звонок накануне новогоднего праздника, плов, недовязанный свитер и нежные розы в твердом, как жезл целлофане, которые преподнес мне любимый утром следующего года.

Его последнего в жизни года.

